

жизни, литературы и искусства — в их слиянии, единстве и противоречиях.

Книга моя «Строгая литература», удостоенная ныне высокой премии, следствие врожденного, должно быть, интереса к самому акту рождения художественного слова; она, если хотите, объяснение в любви к тому, что представляется для меня наиболее ценным в безбрежье литературы и искусства.

Ф. Абрамов и М. Роцит, В. Шукшин и Д. Гранин, М. Карим и Э. Радзинский, В. Распутин и М. Щеглов, Ч. Айтматов и Ю. Трифонов... Именно эти славные имена вместе с немалым числом других, о ком я надеюсь еще сказать, и составляют в моем представлении то, что я обозначил в какой-то мере заимствованным у прекрасного поэта Я. Смелякова понятием «строгая литература». Строгая литература — та, что любит свою Родину, свой народ, свое государство пристрастной и строгой любовью, которая, я убежден, глубже, деятельнее всякой иной. Именно такого рода произведения будут привлекать меня и впредь. Говоря же конкретнее, намерен и в будущем писать о современной литературе.

Накопленный опыт позволяет также обратиться к более пристальному и углубленному изучению знаменательных литературных явлений и судеб. Такой новой точкой отсчета я считаю для себя эссе о К. Симонове, которое впервые было напечатано в «Новом мире» и, кстати, так и называлось — «Точка отсчета». Сейчас на студию документальных фильмов сдан сценарий двухсерийного фильма о выдающемся писателе — «Каждый день — длинный». На очереди — романизованная биография К. Симонова, чья жизнь и деятельность наложили столь значительный отпечаток на весь послевоенный период развития советской литературы, вплоть до наших дней. Буду стремиться к раскрытию диалектики развития характера, личности, творчества писателя, лейтмотивом жизни которого — я в это твердо верю — была страсть к настоящему.

На очереди работа над образом другого, совсем не похожего на первого, но тоже очень дорогого и близкого мне как личность и творец писателя Антала Гидаша, которого мы в Советском Союзе, так же как в Венгрии, с полным основанием называем своим.

Таковы планы. И что с того, что их много, а времени мало, и летит оно все быстрее. Сил-то, сил-то благодаря высокой оценке твоего скромного труда партией и правительством прибавилось! Да, силы удвоились!

СТОГОЛЬМ

Борис ПАНКИН:

СИЛЫ УДВОИЛИСЬ

Что и говорить, Государственная премия СССР — необыкновенно высокая честь для каждого, кто ее удостоен. Но, может быть, только тот, кто, подобно мне, всю свою сознательную жизнь работу чисто литературную совмещал с тем, что можно было бы назвать деятельностью организационно-творческой, способен до конца понять глубину моей радости.

Не будь двух десятилетий работы в «Комсомольской правде», не появилась бы, конечно, отмеченная премией Ленинского комсомола книга «Время и слово», явившаяся своеобразным итогом публицистической и литературно-критической «поденщины» на страницах газеты, то есть ежедневного и неотрывного наблюдения за процессами